

Олег Сорокин
Баллады

Олег Сорокин

Баллады

«Издательские решения»

Сорокин О.

Баллады / О. Сорокин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905747-1

Баллады по мотивам Альфреда Хэйдока, пламенного приверженца агни-йоги, Джека Лондона и собственной фантазии в поэтической обработке автора.

ISBN 978-5-44-905747-1

© Сорокин О.
© Издательские решения

Содержание

Песнь о силе духа	6
По мотивам книги ДЖЕКА ЛОНДОНА – «Звёздный скиталец»	6
ГЛАВА 1	7
ПРЕДИСЛОВИЕ	8
ЧАСТЬ 1	10
ЧАСТЬ 2	11
ЧАСТЬ 3	13
ЧАСТЬ 4	14
ЧАСТЬ 5	16
ЧАСТЬ 6	18
Глава 2 Песнь о силе духа	20
ГЛАВА 2	20
ОДИНОЧКА	21
ЧАСТЬ 1	22
ЧАСТЬ 2	24
ЧАСТЬ 3	25
ЧАСТЬ 4	26
ЧАСТЬ 5	28
ЧАСТЬ 6	29
Глава 3 Песнь о силе духа	30
«СКИТАНИЯ ДУХА»	30
ГЛАВА 3	31
ЧАСТЬ 1	32
ЧАСТЬ 3	34
ЧАСТЬ 4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Баллады

Олег Сорокин

© Олег Сорокин, 2018

ISBN 978-5-4490-5747-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Песнь о силе духа

**По мотивам книги ДЖЕКА
ЛОНДОНА – «Звёздный скиталец»**

ГЛАВА 1

Динамит... или история одной подлости

ПРЕДИСЛОВИЕ

– « Не в полной нагоде, не в полноте забвенья...».

*Мне с рожденья казалось, что мир- это сон
И я вынужден в нем находиться.
Что ошибкою страшною мозг мой пленён,
В теле душу заставив томиться.
Но с годами уверили мысли меня,
Что реальность верна, но сурова.
И лишь сны до сих пор сердце в да
ли манят,
Чтоб раскрыть мирозданья основу.
Мы, рождаясь, подспудно память прошлых времён
За собою в мир новый приносим.
Но пространства и времени ход изменён,
От того возникают вопросы.
Все мы в детстве частенько летали во сне,
Открывая лазурные дали.
И встречая знакомые лица, вполне,
Сон прервав, оставались в печали.
Но откуда же в памяти образы грёз,
Живописных и точных в деталях?
Шум прибоя и нежная свежесть берёз,
Что с рожденья не видел в реале.
Ну а сонм нежных чувств, что приходит порой,
Объяснить как подобную тему.
Нам твердят:– Это опыт, – усомнюсь я, постой,
Описать как, не видя, проблему.
Ярких красок палитра, и <<чужие>> миры,
Возникающие из подсознанья.
Это жизнью прошедших скупые дары,
Заблокированные <<забываньем>>.
...<<Нас поистине тени окружают тюрьмы,
Новорожденных – мы забываем>>.
Страх и боли, кошмары, другие миры,
И ведь разумом сны принимаем...
Но ведь страх – это опыт, мы рождаемся с ним,
Значит, с опытом перерождений.
Но едва первый крик мир о нас возвестил,
Пеленают нас сонмом сомнений.
Сколько помню себя, всегда верил всерьёз,
Что был в прошлом я <<звёздным скитальцем>>.
Королём и рабом, сгустком нервов и слёз,
В окружении <<протуберанцев>>.
В три, в четыре, и в пять ещё <<я>> был не <<я>>,
В этом теле <<я>> лишь <<становилось>>.
В новой форме застыв, разум боль умалял,*

*И... сознание тихо забылось.
Я страдал, я от страха кричал по ночам,
Чтоб сквозь смесь прошлых жизней прорваться.
Но ведь сны, как известно не подвластны врачам,
И в бреду БОГ сподобил остаться.
*** ***

*– Я раскрою Вам тайну: погубил меня гнев,
Хоть я был и умён и успешен.
Через несколько дней, как решение проблем,
Дэррель Стэндинг в тюрьме был повешен.
Но, беседуя с Вами через этот дневник,
Уверяю Вас – это пустое...
И мой дух, что когда – то как искра возник,
Лишь сменил в жизни точку <<постоя>>.*

ЧАСТЬ 1

Восемь лет как назад, я профессором был,
Вы должны знать всё, чтобы поверить.
Я в порыве <<багрового>> гнева убил,
И тюрьма отворила мне двери.
Тот убитый, коллега, но дело не в том,
Я был пойман и не отпирался.
Спор возник между нами из личных проблем,
Я вменяем был, но не сдержался.
Мне пожизненно дали, и мотая свой срок,
Я в СанКвентине принял квартиру,
Мне судьба за гордыню преподала урок,
И отрезала доступы к миру.
Я пять лет из восьми, в одиночке провёл,
Словно заживо погребённый.
Но по случая воле, свободу обрёл,
Позабывший в миру заключённый.
Мрак рассеяла вера, мой разум прозрел,
И сквозь пытки и боль истязаний,
Я БОЖЕСТВЕННЫЙ промысел в жизни узрел,
И поднялся над гнётом страданий.
Мне не страшен тот миг, что назвали концом,
Я ведь знаю, пред нами вся вечность.
Пусть в глазах надзирателей стану глупцом,
Но не выдам, не сдам человечность.
И когда выбьют стул, я покаюсь:– Готов...
И сквозь шумы предсмертного хрипа,
Прошепчу я с усилием несколько слов:
– Прости, ГОСПОДИ, сумрачных типов.
Я кончаю главу, уже девять часов,
В коридоре убийц гасят свечи.
Надзиратель дежурный проверил засов,
Истекает ещё один вечер.

ЧАСТЬ 2

Очевидно, злой рок, вновь восстал на меня,
Мою гордость терзая незримо.
Жизнь внушала:– Смирись, моё тело храня,
Но прослыл я здесь <<неисправимым>>.
Неведомёк здешним <<псам>>, что полёты души,
Не стесняют тюремные своды.
Разве пытки способны ДУХ и ЧЕСТЬ сокрушить,
У того кто рождён быть СВОБОДНЫМ.
Я не буйствовал, нет, просто живость ума
Против рамок восстала рутины.
Но встречались в штыки все дела и слова,
Унижая меня без причины.
Мне бессмысленный труд очень стал нестерпим,
Я пытался улучшить машины.
Но того лишь добился, что стал <<не любим>>,
И за признак ума стал <<гонимым>>.
На меня донесли, и я в карцер попал,
Где лишился и пищи и света.
Но мой пыл к справедливости там не пропал,
Был побоям подвержен за это.
Я опять взбунтовался, снова карцер и вот
Тюк соломы, побои и грубость.
Как покой свой посредственность здесь стережёт,
Как бесчинствуют подлость и тупость!
Осознав, что не сломлен, озверели совсем
Лишь за то, что на них не похожий.
И в <<рубашке смирительной>> кончился день,
И я думал, что <<кончился>> тоже.
Изошрённое пытки не выдумал свет,
Бросив на пол ничком, пеленали.
И коленом сдавив, убирали <<просвет>>,
Так, что б даже дышать мог едва ли.
Мозг, взрываясь от страха, жаждет мышцы напрячь,
Собирая последнюю волю.
В ритме бешеном сердце срывается вскачь,
Захлебнувшись ужасною болью
На попытки вздохнуть... только сдавленный стон,
И попыток бесплодных старание.
Мысль в агонии бьётся: – Ну всё, обречён,
Вот и всё... ускользает сознание.
...Сквозь кровавую дымку, боль в суставах и жил,
Моё «я» возвращалось со страхом.
Кто – то веки подняв, вдруг промолвил:– Он жив,
Поскорей развяжите рубаху...
Словно тыщи иголок вонзились мне в плоть,
Онеменья проходит неспешно.

*Дрожь суставов и вен невозможно унять,
В каждой клеточке боль повсеместно.
– Ну довольно с него, – прозвучал баритон.
– Доктор, дайте воды полстакана.
Приказал наш начальник тюрьмы Этертон,
И ушёл, забирая охрану.
Я не в силах глотать, зубы, стиснув стакан,
О стекло дрожью скрежет отбили.
В голове чехарда, пред глазами туман,
И я снова забылся в бессилье.
Словно вечность прошла, а по времени час,
Рассказал мне потом надзиратель.
Так познал я рубашку тогда в первый раз,
Но вернёмся к рассказу читатель.*

ЧАСТЬ 3

Умный тоже бывает жестоким,
Но посредственный злобен вдвойне.
Он по жизни бредёт одиноким,
Проигравши в духовной войне.
Сторожа и другие начальники,
Утверждались, насилье творя.
Ведь ущербность души изначально
Проявляется, мир не любя.
Им не ведома суть сострадания,
Безнаказанность портит сердца.
И не люди они, а создания,
Раз под маской живут подлеца.
...Был в тюрьме поэт – каторжник злобный,
Трус, доносчик и подлый лгун, шпик.
Надзирателям очень удобный,
Он предательством <<славы>> достиг.
Заслужить чтоб досрочно свободу,
Он решил спровоцировать всех.
Обманул он не мало народа,
Имитировал ложный побег.
Так как зеки его презирали,
Он придумал коварнейший план.
Убедить их в победе в начале,
Захотел он, подстроив обман.
Выкрав сонник в тюремной аптеке,
Усыпить он охранника смог,
Чтоб поверили ироду зеки.
А начальству представил подлог.
Сторож был, несомненно, уволен,
Сорок <<вечников>> стали мечтать.
Сесиль Винвуд был очень доволен,
Что всех ловко сумел обогатить.
Но коварство подлейшего плана,
Обрело свой законченный вид
Лишь тогда, как подставив охрану,
Он сказал, что в тюрьме динамит.
Для меня ж откровением стало,
Что я якобы был главарём,
Что взрывчатку, ни много, ни мало,
Мы зарыли с ним вместе, вдвоём.
Сорок <<вечников>> схвачены были,
В карцер брошены также, как я,
День и ночь, нас пытали и били,
Чтоб узнать, где взрывчатку таят...

ЧАСТЬ 4

*..Я опишу, как сорок <<вечников>
В тюремную ворвались тишину.
Картина, скажем так, бесчеловечная...
Избитый, в карцере, я отходил ко сну.
Но стали с треском открываются двери,
Их волокли под стоны, ругань, крик.
Глазам своим мне трудно было верить,
В дверном проёме человек возник.
Вместо лица кровавая сплошь маска,
В глазах, отчаянье, страдание и боль.
Мне для рассказа вряд ли хватит краски,
Чтоб поделиться чувствами с тобой.
Ещё не пал он на пол от бессилья,
Как в коридоре снова топот ног.
И снова измождённого вносили,
От криков ужаса и боли стих острог.
Лишь брань охраны, опьянённой кровью,
В наших ушах звучала, приговором.
Зализывая раны, к изголовью,
Ко мне подсел избитый жутко вор.
– А ты как здесь? Допрос неумолимый
Мне предстоял, но, видно по всему,
Меня узнали:– Он <<неисправимый>>, —
Кто-то из узников отвечал ему.
...Я в своей жизни многое изведal,
Но ад крамешный наступивших дней
Меня толкает здесь прервать беседу,
Чтоб поразмыслить о судьбе своей.
Я восемь лет терпел тюрьму и пытки,
Но дух мой не сломали, не смогли.
Тогда они усилили попытки,
К повешенью за <<драку>> подвели.
После часов в <<рубашке>> и побоев
Я мог ходить по <<стеночке>> едва.
Хоть карцер был обителью изгоя,
Но мысль о мести, в голове жила.
Она мне придавала смысл в жизни,
Хотел доносчику я сторицей воздать.
За всех, от клеветы познавших тризну,
Ему <<привет>> прощальный передать.
Достал я две иголки в лазарете,
И ими смог решётку подпилить.
<<Работая>> ночами в лунном свете,
Сумел <<свободу мнимую>> добыть.
...Я крался вдоль стены так осторожно,
Что сердца стук мне заглушал шаги.*

*И я б добрался до него, возможно,
Но пред глазами вдруг пошли круги.
За столько лет я в замкнутом пространстве
Совсем отвык от воли, вот беда.
Казалось, что пройти эту дистанцию,
Я не смогу, никак и никогда.
Катились слёзы от бессилья, стены,
Казалось не дают мне сделать шаг.
Предательски тряслись от страха члены,
И понял я, что дело моё <<швах>>.
Вперёд идти не мог, но и вернуться
Уже не мог, рассудок подводил.
И надо же ещё было споткнуться,
А тут как раз охранник проходил.
Я, потеряв спасительную стену
Скатился с лестницы, как мячик под откос
В его объятья, и сразу дерзновенно,
Как он поведал:– <<съездил>> его в нос.
Какой абсурд, но кто же мне поверит,
И вот уже я <<смертник>>, <<как с куста>>,
Моей судьбы <<распахнутые двери>>,
Закрылись ложью, <<истина проста>>...*

ЧАСТЬ 5

*Эксперты медики стыдливо уверяют:
Когда стул выбит жертве из- под ног,
Верёвка в миг несчастному ломает
Под весом тела шейный позвонок.
Но жертвы не вернутся опровергнуть
Все измышленья лживых подлецов.
А мы здесь знаем очень достоверно,
Повешенье – не лёгкий из концов.
На стул поставив и сковав все члены,
Жертве оденут чёрный балахон.
Но выбив стул, стоят, боясь <<измены>>,
Пока в конвульсиях до смерти бьётся он.
Придержат тело обхватив руками,
И стетоскоп свой приложив к груди
Будут ловить момент, последний самый,
Когда душа начнёт вдруг отходить.
Бывает, что пройдёт минут так двадцать,
Покуда сердце биться <<устаёт>>,
И перестанет мозг за жизнь цепляться,
И лишь тогда <<их>> время настаёт.
Оформив смерть по правилам науки,
Несчастливого снимают, как с креста.
Стыдливо так же <<умывают руки>>,
Как и Пилат в заклании ХРИСТА.
Всем тем, чьи души не блуждали в этом
Кровавом и бессмысленном бреду,
Вопрос хочу задать и жду ответа,
Ведь скоро я дорогой той пойду.
– Скажите Вы, по чьей я злобой воле,
Повешен скоро буду палачом.
Мешок зачем, последний взгляд мой скроет,
Прервав общенье с солнечным лучом?
Не потому ль, что со времён распятия,
Последователи заповедей ХРИСТА,
Не могут ни прощать, ни сострадать,
А их риторика вся лжива и пуста?
Вы, возомнившие себя богами,
Ответствуйте же, отнимая жизнь:
Завещанное милосердие к врагам где?
Ведь сказано: <<судить ты не берись>>.
Гуманность, доброта и человечность-
Вот те столпы, что завещал ТВОРЕЦ.
ЛЮБОВЬ – вот ключ, ЧТО ОТВОРЯЕТ ВЕЧНОСТЬ,
Прощать учил ИИСУС и БОГ ОТЕЦ.
...Но возвратиться нам пора к рассказу,
Последний лягг засова едва стих,*

*Все обсуждать случившееся сразу
Взялись, за что их <<пресс>> настиг.*

ЧАСТЬ 6

*После недолгих мрачных размышлений,
Сошлись на Винвуде, как на причине зла.
Его система гнусных измышлений
Всех <<вечников>> сегодня собрала.
– Нас взяли наготове и в одежде,
Промолвил наконец им Скайсель Джек.
Так что, отбросьте всяк свои надежды,
Он выдал страже, что готовился побег.
По одному пытать нас будут завтра,
Но подлюю мы ложь должны раскрыть.
Как бы ни били, говорите правду,
А бить нас будут, очень крепко бить.
И в этой мрачной, человеческой юдоли,
Все сорок клятвою скрепили свой союз.
Не ведая всей скорбной своей доли,
На плечи взяли неподъёмный груз.
Но правда принесла им мало проку,
Не дав нам утром и глотка воды,
Эти садисты с лицами порока,
Нас окунули в марево беды.
...Людей избитых, как известно, лихорадит,
Нас без воды пытали часов семь.
И многие взмолились:– Бога ради!
Когда же ад закончится совсем?
Поодиночке их из камер выводили,
А возвращали сгусток боли, плоть
Истерзана, они с ума сходили,
Помилуй души грешные, ГОСПОДЬ.
– Где динамит? – Садисты вопрошали,
И избиеньям не было конца.
Так сорок <<вечников>> чистилище познали,
Не потеряв ни ЧЕСТИ, ни ЛИЦА.
...Меня подняли- я стоять не в силе,
И с бранью потащили на допрос.
– Где динамит? – С пристрастием спросили,
Задав один единственный вопрос.
О том, сколько продлилась эта пытка,
Моё сознание запомнило едва.
Сменяясь, стража <<вторила>> попытки,
Пытаясь выбить из меня слова...
Мне предлагали то смягченье срока,
То били, наказанием грозя,
Я б отдал душу с радостью порочной,
Чтоб этот динамит им показать...
...Когда пять лет спустя, проведши в одиночке,
Я Скайсель Джека мимоходом повстречал,*

*Я содрогнулся, как гигант дошёл до точки,
Меня узнав, он тихо проворчал:
– Ты славный парень, Стэддинг, не сфискалил,
Ему шепнул я, что не знаю ничего.
Он улыбнувшись, <<подмигнул>>, мне:-Знаю...
Неужто убедили и его?
Все эти годы костью в горле было
Властям тюремным мысль, что динамит
Моё сознание в тайне сохранило,
И мною он действительно зарыт.*

Глава 2 песнь о силе духа

ГЛАВА 2

ОДИНОЧКА

ЧАСТЬ 1

*Первые дни мне в одиночке жутко было,
Лишь сторожей вещала смена час.
Свет робкой слизью проникал в МОГИЛУ,
А мысли в страхе путались подчас.
Я был ПОЖИЗНЕННЫМ, и сердцу было ясно,
Коль чудом не создам я динамит,
Начальник в заблуждении опасном
Меня до смерти в камере сгноит.
Я мало спал, мой мозг работал много,
Чтобы с ума внезапно не сойти,
Но размысленья были так убоги,
Что мне пришлось игру ИЗОБРЕСТИ:
...Закрыв глаза, путём воображенья
Я возводил в квадраты сонмы чисел,
Я их делил, слагал и в умноженье,
Высот не малых в общем -то достиг.
Я шахматную доску в мыслях строил,
И скоро начал проводить турнир.
Но утомительно играть с самим собою,
Без состязательности скучен этот мир.
Время давило... длилось бесконечно,
И чтоб хоть чем-нибудь себя занять,
Как мог, старался я РАЗБАВИТЬ вечность,
И с мухами стал в камере играть.
Представив зрительно на стене границу,
Старался, коль нарушили, поймать.
При этом нужно было ухитриться
Невольню не поранить, не помять.
Я отводил им время со старанием,
И вскоре начал чётко понимать
Характеры, манеры, их сознание,
Когда и кто хотел со мной играть.
Но вскоре это тоже надоело,
И я невольно обратился в слух.
Я слабый стук и раньше то и дело,
Попеременно ощущал вокруг.
Постукиванья неизменно прерывались
Злым и бессильным рёвом сторожей.
А когда очень им настойчивы казались,
Не ведала их ярость РУБЕЖЕЙ.
Мои СОСЕДИ: Эд Моррель и Оппенгеймер,
Создали азбуку и ГОВОРИЛИ всласть.
Смирительной рубашки им, наверно,
Не раз пришлось изведать... вот напасть.
Я столько сил потратил, разбирая,
По слабым стукам разговоров вязь.*

*Что нетерпеньем скоро стал сгораем,
И всё же вскоре тайна поддалась.*

ЧАСТЬ 2

*Профану в общем может показаться,
Что ОДИНОЧКА- вот он -зла предел.
Но ведь ещё возможно издеваться
Над теми, кто пожизненно сидел.
...Рубашка, жажда, голод и побои,
Вот перечисленных УТЕХ расклад.
Но только за ОБЩЕНИЕ ЖИВОЕ,
Пойдёшь на всё и будешь очень рад.
И вот я простучал: -Алло, приятель!
– Кто ты? – с задержкой мне пришёл ответ.
Ведь даже в одиночке обитатель,
Боится провокаций, лжи и бед.
Представился, как мог я неумело,
Но моя СЛАВА и сюда дошла.
А потому был в круг их принят смело,
Вот дар, что мне судьба преподнесла...
Мы долго в эту ночь проговорили,
Общение -связующая нить.
Но ненароком стража разбудили,
Он поспешил о СТУКЕ доложить.
...Нас ПЕЛЕНАЛИ мстительно и злобно,
И сутки я в рубашке пролежал.
Но только случай выдался УДОБНЫЙ,
Всю жизнь свою соседям рассказал.
И незаметно время пролетело
Потом и я услышал их рассказ.
И пусть от пыток огрубело тело,
Общались, не боясь мы, и не раз.
Я часто думал, как достичь забвения,
Если СОЗНАТЕЛЬНЫЙ мне убаюкать дух.
То моё Я конечно, без сомнения,
Отринув плоть, свободным станет вдруг.
Я с детства верил, что это возможно,
И далее Вам это докажу.
Вскрывая память очень осторожно,
Я эпизод из детства расскажу.*

ЧАСТЬ 3

*В детском сознании память – это нечто,
Что забывать мешает этот мир.
Но в памяти держать всё бесконечно —
Направленный в безумье ориентир.
И в одиночке, где воспоминания
Мне досаждали с каждым днём сильнее.
Подспудно жаждал мозг мой ЗАБЫВАНИЯ,
Я посвятил проблеме много дней.
Как выйти из реальности постылой?
Я часто задавал себе вопрос.
Наверное, чтоб «Я» себя забыло,
Самовнушение нужно, иль гипноз.
Тогда мой дух пленённый плотью брэнной,
Сознания покинет тенета.
И воспарит свободно над вселенной,
Души измученной исполнится мечта...
...Путём совсем несложных упражнений
Самовнушение вскоре я постиг.
Коль долго в точку зреть до исступления,
То в психике происходит сдвиг.
После того в течение получаса
Мой дух скитался волею небес,
Былое посещая раз за разом,
Но был не управляемым процесс.
И я, очнувшись, вспоминал едва ли
Калейдоскоп событий и времён.
События чередой пролетали,
Словно горячечный, бессвязный сон.
Возникло осознанье: лишь при смерти
Воскреснут все предшествующие Я.
Но мне хотелось жить, и уж поверьте,
Цеплялся страстно я за призрак бытия.
...Но вот пришла и эта СМЕРТЬ ПРИ ЖИЗНИ,
И этому меня учил Моррель.
Событие, толкнувшее до тризны,
Враз изменило всё течение дней.
Мысль о зарытом где-то динамите
Начальнику тюрьмы мешала спать.
И он решился... чтобы дух сломить мой,
Меня в РУБАШКУ снова спеленать.*

ЧАСТЬ 4

– Признайся, Стэндинг, – говорил зритель,
– И обещаю- будешь ты прощён.
Сменю твою я скорбную обитель,
Ты будешь к людям сразу помещён.
Несчастный, если бы мог знать он,
Мой открывая камеры засов,
Что ничего не мог ему сказать я,
И вот РУБАШКА, снова – СТО ЧАСОВ.
Затем ещё, короткий промежуток,
И вновь в рубашку, стынет в жилах кровь.
От долгих и бесчеловечных пыток
Каждый мой мускул источает боль.
– Ты, надо полагать опять, в ПЕЛЁНКАХ, —
Мне ночью простучал вдруг Эд Моррель.
Ему носком ноги- ведь сил, как у ребёнка,
Ответил я по корпусу дверей:
– Да, брат, и кажется, сознание теряю,
РУБАШКА доконала мою плоть.
И сколько ещё выдержу, не знаю,
Он мне ответил:– Сохрани, ГОСПОДЬ.
Тогда готов ты... расскажу я способ,
Как можно эту муку претерпеть.
А ты подумай и задай вопросы,
В ПЕЛЁНКАХ тебе надо умереть.
Не жди, когда все немеют члены,
Усиьем воли умертви их сам.
С пальцев начни и дальше, постепенно
Их ОТКЛЮЧАЙ: и мышцы и сустав.
Но в это надо очень сильно верить,
Трудно начать, потом пойдёт легко.
Ты можешь это сей же час проверить,
Спросил я:– Ну, а смысл в этом каков?
– Когда вся жизнь покинет твои члены,
Душа твоя над плотью воспарит.
И не пройдёт и нескольких мгновений,
Как путь на волю для тебя открыт.
Ведь стены и решётки держат тело,
Но ДУШУ им во век не удержать.
Ты путешествовать отправляйся смело,
Покуда плоть будет во тьме лежать.
Я сам три раза УМИРАЛ при пытках,
И видел тело, как со стороны.
При всём при том, при этих всех попытках
Страдания и боли не страшны.
Ты главное, не забудь вернуться,
Когда придут тебя РАСПЕЛЕНАТЬ.

*А то наверно, сможешь не проснуться,
Я лично так боялся опоздать...*

ЧАСТЬ 5

*...Когда при помощи самогипноза
Я в транс входил, чтоб будни позабыть,
Сознание бродило где -то в грёзах,
А моё тело продолжало жить.
И плоть моя над разумом довела,
Мятежный дух не отпуская мой.
И, память контролируя умело,
Его стреножила текущею судьбой.
По методу ж Морреля выходило,
Что первой умирала моя плоть.
А уж потом сознание уходило,
Все связи с ним сумев перебороть.
...Наутро вновь смотрители ворвались,
На лицах злоба и садистский взгляд.
И вновь мой дух сломить они пытались,
От боли понял, буду смерти рад.
И я решился на совет Морреля
С улыбкою и вызовом во взгляде,
И изумлённо стражники смотрели,
Недоумевая при моей браваде.
– Тебя на десять дней в РУБАХУ СПЕЛЕНАЮТ-,
Смотритель Этертон мне злобно прошипел.
– Поверь мне, ты расскажешь всё что знаешь,
Я в этом очень сильно преуспел.
Вложив всю веру в дерзкую улыбку,
Я усмехнулся лёжа на боку:
– А если встречу Вас такою же улыбкой,
Сокамерникам дадите табаку.
От злости у него белели скулы,
Но он с иронией мне это обещал.
Я ж, не смотря на злобные посулы,
Ему в ответ с улыбкою вещал:
– Всё очень просто, так уж получилось,
И я хочу Вам это доказать.
Во мне так жизни много накопилось,
Что Вы не сможете её отнять.
– Посмотрим, – прорычал он, ПЕЛЕНАЯ,
Улыбка, верь, в разы станет дороже.
Но сдерживая волею сознание,
Я только усмехнулся ему в рожу.*

ЧАСТЬ 6

*...Сосредоточив на мизинце волю,
Приказывал ему я умереть.
Борьба между сознанием и болью
Решилась вскоре... наступала смерть.
Я шаг за шагом продвигался дальше,
Нога, колено, мышцы и сустав.
Я не спешил, чтобы избежать фальши,
И вскоре чувствовать я ноги перестал.
В безумье разум приоткрыл мне дверцу,
Когда дошёл до уровня груди.
Боялся долго умерщвлять я сердце,
Со страхом мысль шептала:– Погоди...
Но отдышавшись, я продолжил опыт,
Груди нет и не слышен сердца стук.
Лишь Я моё за мозг цеплялось, чтобы
Сознания лучик вовсе не потух.
И вдруг... я улетел в потоках света,
На плоть свою взглянув, умчался вдаль.
Было прекрасно ощущение это,
И оказалось, прошлого не жаль.
Ребёнком ощутил себя в видении,
Бродил я по Вселенной вдалеке.
И звёзд касался в светлом упоении,
Хрустальный жезл, зажав в своей руке.
Неслись столетья, путь мой всё светлее,
Вселенской мудрости приблизилась мечта.
Любовью осенённый, став добрее,
Я понял, это- БОЖЬЯ КРАСОТА.
...Боль яростно швырнула дух обратно,
Я вновь себя в рубашке ощутил.
Моррель что- то стучал неоднократно,
А я молился, чтоб он прекратил.
Я так старательно уморил тело,
Что шевельнуть не мог и пальцем ног.
Сознание рвалось и прочь хотело,
Ему ответить я, увы, не смог.
Но лишь Моррель закончил всю тираду,
Я снова смог СКИТАНИЯ начать.
В своих мольбах просил я как награды,
Меня до срока вновь не отвлекать...*

Глава 3 Песнь о силе духа

«СКИТАНИЯ ДУХА»

ГЛАВА 3

ЧАСТЬ 1

*Моррель был прав: мой дух освободился,
Я вновь «уснул», и в этом сладком сне,
О БОЖЕ, в дремоте я шевелился,
Лёжа на мягком, бархатном белье.
Но всё это меня не изумляло,
Нет, я конечно был самим собой.
Но Дэррель Стэндинга тут было мало,
И жило моё «Я» другой судьбой.
– Эй, Понс! Скорей воды холодной,
Во рту горит, вчера я много пил.
И тут я вдруг заметил, что свободно
С слугою по- французски говорил.
– Ну, как отец-, ворчал Понс с безнадёгой,
– Тот хоть исправился в конце концов,
А Вас встречаю каждый день с тревогой,
Мне современных не понять юнцов.
Он болен был желудком, я слукавил...
– А мне что прерывать песню в полёте?
– Пей, господин, с ворчаньем Понс поправил,
Не повредит, здоровым Вы умрёте.
Соболий плащ мне подавая в руки,
Он всё качал с укором головой:
– Мало отец Вам преподал науки,
К чему такая роскошь, БОЖЕ мой!
Он добывал всё крепкою десницей,
Но и держал добытое в семье.
А Вы транжириите, и может так случиться-
Всё спустите за рюмкой Бужоле.
...Священник тот, о ком вы говорили,
Вас дожидается почти уж два часа.
– Так от чего ж меня не разбудили?
В гостиной раздавались голоса.
Я смутно вспомнил: папер Мартинелли...
– Введите, – он с приветствием вошёл.
– Вы долго мешкаете, граф, на самом деле, —
Он вымолвил мне тот час, как зашёл.*

ЧАСТЬ 2

*– Хозяин мой начал терять терпение...
– Перемените тон, его я оборвал.
– Здесь Вам уже не Римские владения,
Где августейший правит кардинал.
– И, тем не менее, – он продолжал упрямо,
– Мне велено Вам лично передать,
Чтоб Вы оставили известную Вам даму.
Иначе... -Иначе что, он будет угрожать?
– У августейшего есть на неё планы, —*

Невозмутимо патер продолжал.
И Ваши связи с нею не желанны,
Он Вам настойчиво порекомендовал...
– Ну что ж подумаю над Вашим предложением, —
С весёлым вызовом я дерзко произнёс.
– Дайте ответ, владыка ждёт решения,
Иначе сами мы решим вопрос.
Я говорил, что это бесполезно,
Но шанс последний Вам предложен был.
Все знают, что повеса вы известный,
Ну, в общем, я Вас предупредил...
...Мы шли с Филиппой, сердце замирало,
О как она прелестна, хороша.
– Грустить Вам, герцогиня не пристало,
Я Ваш слуга, и шпага, и душа.
Единственная женщина на свете,
Чей нежный взор мои мечты пленил.
Навек запомню я минуты эти,
Я ей на ушко томно говорил.
Но у седого старца, что из Рима
Нам строил козни, длинная рука.
И он мне воспрепятствовал незримо,
Лишь повод не представился пока.
...Бесцеремонно нам прервав беседу,
Мне итальянец Фортини сказал:
– С Вами желают говорить, невежда!
Во мне опять «багровый гнев» вскипал.
– Ивольте подождать, сейчас я занят...
– Я никого не жду, – ответил он.
– Разделаюсь немедленно я с Вами, —
С улыбкой молвил и повысил тон.
Мне б в тот момент немного хладнокровья,
Ведь это провокация, я знал.
Филиппой ослеплённый, и ЛЮБОВЬЮ,
Я раздражённо Фортини сказал:
– Подите прочь, я чрез минуту буду.
Он с наглою улыбкой говорил:
– Месяц взошёл, я буду ждать у пруда.
– Подите прочь! – я снова повторил.
– Я не уйду, – с сарказмом он ответил,
И тут Филиппа мне сказала вдруг:
– Сен – Мор, займитесь типом этим,
Я буду в зале ждать Вас, милый друг.

ЧАСТЬ 3

*С таким благословением от милой
Я стал силён, как тысяча чертей.
Да что там Фортини! В могилу
Десяток я отправлю без страстей.
Мы разошлись, чтоб вызвать секундантов,
Первым попался мне Робер Ланфран.
Но до того с одним комедиантом
Столкнулся я, верней, он начал сам.
То был юнец, к тому же очень грубый,
Он походя задел меня плечом.
Затем, слова процеживая сквозь губы,
Завёл тираду... знаете о чём...
Всё это не входило в мои планы,
Я извинения принёс юнцу.
Роббер повествовал невежес прямо,
Что ссоры в данный миг я не хочу.
Угрозы я припомнив Ватикана,
Решил, что это, верно, не конец.
Их много есть в обойме старика... и,
Наверно, не последний сей юнец.
Я очень бегло объяснил Ланфрану,
Что было нужно в вечер от него.
Привык владеть оружием он филигранно,
И сам позвал Анри Бозмона для того.
Когда втроём мы подошли к лужайке,
Увидели в сторонке Фортини.
С двумя стоял друзьями в тесной спайке,
И к бою приготовились они.
Луна светила, ярко озаряя,
Лужайку для дуэли, как фонарь.
И на рапирах отблеском играя...
Мы поклонившись, начали как встарь.
Я слыл в Париже славным дуэлянтом,
Но был далёк до славы Фортини.
Хоть был слышан о его талантах,
Знал, что окончу его жизни дни.
Меня вела ЛЮБОВЬ, а это значит —
Я верил, я её не подведу.
Я хладнокровно выполню задачу,
Быстро и метко к финишу пойду.
Но мой противник – мастер фехтованья,
Себе такую же поставил цель.
Минуту мы сражались со старанием,
Усилия не достигали цели.
Атаки с хладнокровьем ожидая,
Хотел он кисть рапирой отвести.*

*Чтобы инерцией моей играя,
В ответ удар смертельный нанести.
Я, выпад осознав, сделал обманный,
Но в тот же миг вдруг развернулся сам.
А он шагнул вперёд... клинком пронзённый,
В мгновение душу отдал небесам.
Мы, сталью «связанные», с ним стояли,
Не сразу свой я выдернул клинок.
Его друзья не сразу осознали,
Кто же из нас падёт, пронзённым в бок.*

ЧАСТЬ 4

*Откланявшись, уйти мы собирались,
Но преградил дорогу Пасквини.
Да, видно в Ватикане постарались,
Ему я вежливо ответил:– Извини...
Но он пристал, что право, только стоит
Пару шагов нам в сторону ступить...
Ланфрен отвечал:– Коли Сен-Мор позволит,
Могу и я здесь травы «оросить».
– О нет, мой друг, он будет первым завтра!
– А есть другие? – Вдруг спросил Ланфран.
– Спросите у Гонкура... это правда, —
И я с улыбкою раскрыл их план.
– Всё это завтра, время пусть назначат,
Но Пасквини промолвил:– Не уйдёмь,
И ты сегодня лунною дорогой
В компании с Фортини пойдёмь.
– Уж лучше друг пускай его проводит, —
Заметил я насмешливо во след.
Натянутые нервы, как на взводе,
«Багровый гнев» вновь вызвали в ответ.
А тут ещё юнец им на подмогу,
Покинув бал, спешил наперерез.
Они загородили мне дорогу,
Я яростью воспылал вконец....
– Ну что ж, – отвечал я им спокойно,
– Вы первый, Пасквини, затем Гонкур.
– И я затем, – сказал юнец довольный,
Но Анри Бозмон прервал наш тур.
– Вы так торопитесь и Вас здесь трое,
И трое нас, закончим этот спор.
Давайте разом мы турнир устроим...
Но де Ланфран ввязался в разговор:
– Они здесь по приказу, Вам не ясно?
Друзей словами охладил я слог:
– Вы вызываете их напрасно,
Их цель одна- чтоб я уйти не смог.
– Что ж, Пасквини, задерживать не буду,
Вас кажется, уже заждался друг.
Давайте к делу, и молитесь чуду!
И мы вдвоём вступили в лунный круг.
О, я решил быть сатаной в тот вечер,
Быстро и метко- вот был мой девиз.
И коль не миновать мне этой встречи,
Врагам преподнесу я свой сюрприз.
Я вновь решил обманный выпад сделать,
И сделал вид, что пропустил укол,*

*Но он атаку отразил умело,
Шагнул вперёд и... проколол камзол.
Я притворился вдруг что оступился,
Как- будто ранена моя рука.
Шагнул вперёд, как- будто бы открылся,*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.